

Юрий Левада. Портрет для потомков

В связи с выходом книги «Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде»

Борис Докторов

В этом году Юрию Александровичу Леваде (1930-2006) исполнилось бы 80 лет, он не дожидаясь этого юбилея два года. За прошедшее время появилась достаточно обширная литература о его жизни и творчестве, как мемуарного, так и аналитического характера. Оставляю в стороне некрологи, написанные в траурные дни, хотя в них было многое сказано о нем как человеке и ученом. К тому же ряд положений, высказанных в этих кратких, спонтанно возникших записках, позже были развиты и аргументированы их авторами.

Серией материалов, собранных в двух первых выпусках «Социологического журнала» за 2008 год, положено начало созданию объемного портрета Левады. В первом выпуске опубликовано интервью, данное им Д.Н. Шалину в начале февраля 1990 года в Бостоне, и тщательный комментарий этой беседы, выполненный Шалиным. В следующем номере журнала подборка текстов о Леваде открывается историко-аналитической статьей Б.З.Докторова и включает в себя воспоминания А.Н.Алексеева, И.С.Кона, А.Г.Левинсона, А.К.Назимовой и В.Л.Шейниса, Б.М.Фирсова, В.А. Ядова. Примерно в то же время вышли мемуары Т.И.Заславской и И.С.Кона, в которых есть страницы, ответственные воспоминаниям о Леваде.

Весьма интересны и содержательны интервью, проведенные накануне 80-летия Левады московским социологом и журналистом Любовью Борусяк. Это серия бесед, записанных на видео и размещенных на популярном сетевом портале «Полит.Ру» в цикле «Взрослые люди» [1]. О Леваде рассказали: О.И. Генисаретский, А.Б.Гофман, Л.Д.Гудков, Б.В.Дубин, В.М. Долгий-Раппопорт, Н.Зоркая, И.С.Кон, А.Г. Левинсон, Теодор Шанин, Б.Г. Юдин и В.А.Ядов.

В мае этого года вышла книга воспоминаний [2] о Леваде, составленная и изданная его вдовой, Тамарой Васильевной Левадой. Этим обстоятельством во многом определено присутствие в сборнике материалов из архива Левады, широкий подбор авторов текстов и наличие в нем редких фотографий Юрия Александровича. Ряд из перечисленных выше материалов вошли в эту книгу полностью или в сокращенном варианте. Но, естественно, есть много нового. Книжке суждено стать библиографической редкостью. Очевидно, что ее захотят прочесть не только многие социологи, полстеры и журналисты, но и представители разных групп интеллигенции, на протяжении двух десятилетий следившие за результатами опросов сначала «старого ВЦИОМа», а затем – «Левада-Центра». Но ее тираж – 150 экземпляров; он практически уже разошелся между друзьями Левады, его коллегами и соавторами книги.

Два фактора объясняют тот факт, что за два года после смерти Левады появилось столь обширная и многожанровая

литература о нем. Первый – объективный, пришло время для изучения прошлого советской/российской социологии, постепенно приходит осознание критичности времени, невозможности откладывать «на потом» анализ сделанного первыми поколениями отечественной социологии. Второй фактор – субъективный. Личность и творчество Левады заслуживают всестороннего анализа и представляют интерес для историков современной социологии и, более широко, культуры российского общества второй половины XX века и начала наступившего столетия. Прокомментирую кратко сказанное.

История как наука – дальнорозорка и несуетна, те или иные события и процессы становятся ей интересны, только когда их можно расположить в долгий временной ряд и поместить в широкий событийный контекст. Сказанное имеет универсальное значение, в частности оно применимо к истории науки и к изучению жизни и творчества тех, кто внес в ее развитие значительный вклад. Но прошлое может быть проанализировано и понято, только если общество уважает и ценит настоящее, если сохраняются предметы, относящиеся к быстро уходящему сегодня, если современники не только хранят в памяти виденное и пережитое, но и документируют все это. Легко заметить: когда человек задавлен государством и бытом, когда главная утренняя забота – дожить до вечера, тогда настоящего не существует. Тем более – будущего, а прошлое превращается в несбыточную мечту. Напротив, общество, пребывающее на подъеме, к примеру, Россия в период «оттепели» и перестройки, находит в себе силы и кураж жить сегодня, думать о будущем и обращаться к своему прошлому.

Российская социология недавно вступила в свое второе пятидесятилетие, срок не столь уж значительный даже в сравнении с продолжительностью жизни человека в современном цивилизованном обществе и совсем «детский» в масштабах развития науки. Однако празднование первого серьезного юбилея российской социологии, состоявшееся в 2008 году, обнаружило множество проблем историко-научоведческого плана; укажу две из них. Во-первых, многое из происшедшего относительно недавно не задокументировано и уже забыто. Во-вторых, интерес к этому прошлому остается невысоким. Причина первой проблемы коренится в специфике становления и развития советской социологии в конце 1950–1980-х годах, в частности, в неопределенности статуса этой науки и неуверенности ученых относительно ее будущего. Проблема вторая порождена сменой парадигм советской и современной российской социологии и появлением новых поколений социологов, не чувствующих – возможно, даже отрицающих – свое «родство» с теми, кто начал исследования за несколько десятилетий до их профессионального самоопределения.

Один из эффективных путей приобщения людей к науке, культивации интереса к ее прошлому заключается в ознакомлении их с биографиями и творческим наследием тех, кем эта наука создавалась. Еще десять лет назад этот канал формирования профессионального сознания и цементирования межпоколенных связей в российском социологическом сообществе начисто отсутствовал, сейчас ситуация меняется к лучшему. С одной стороны, постепенно накапливается банк биографий – это интервью с действующими социологами и их небольшие автобиографические заметки, эссе; с другой – появляются мемуары социологов «первого призыва» и воспоминания о тех, кого в последние годы не стало.

Если говорить об источниках первого рода, то это прежде всего книга о российских социологах, выпущенная под редакцией Г.С. Батыгина [3], серия публикаций в «Социологическом журнале» и издании факультета социологии СПбГУ: «Журнал социологии и социальной антропологии». В последние годы одним из важнейших источников биографий российских социологов стал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Рубрика «Современная история российской социологии» появилась в нем в выпуске №4 за 2004 году, и с тех пор все номера журнала (шесть раз в году), содержат материалы на эту тему. К этой же группе биографических источников относится и сайт российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» [4]. На нем расположено большинство биографий, опубликованных в перечисленных выше журналах, и другая историко-биографическая информация.

Социолого-мемуарная литература появилась лишь в самые последние годы. Отмечу здесь воспоминания Т.И. Заславской, И.С. Кона, С.А. Кутеля, тюменского социолога А.Н. Силина, Н.М. Руткевича, книгу к 80-летию В.А. Ядова, сборник памяти Л.Н. Когана. Возможно, существуют сетевые варианты мемуаров, мне известны лишь воспоминания Э.В.Соколова [5]. Имеет смысл также сказать о работах более общего характера, в которых их авторы-социологи, отводят значительное место автобиографическим сюжетам. Назову книги А.С. Готлиб о качественном социологическом исследовании [6], Б.М. Фирсова о разномыслии в СССР [7], В.Э.Шляпентоха о страхе и дружбе в советском обществе [8].

Именно к этому кругу источников историко-биографической направленности и относится книга воспоминаний о Ю.А.Леваде. Всех авторов материалов, включенных в нее, можно разделить на четыре группы.

Первую группу образует один человек – Ю.А.Левада. Совсем немного материалов. Два биографических интервью: одно – упомянутое выше, другое – опубликованное в журнале «Прямые инвестиции» (2005, №6) и содержащее ряд воспоминаний о его детстве и студенческих годах. Третий материал – эссе Левады о том, что было написано в его культурологической заметке урбанистического характера («Знание-сила», 1977 г.) и о чем он не смог написать. В те годы Левада был опальным, и лишь вмешательство секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина, как-то узнавшего о проблемах журнала, открыло перед ней «зеленый свет». Завершает сборник статья Левады («Неприкосновенный запас», 2001, №5) с его видением общественного мнения на рубеже XX и XXI веков. Вошло в сборник и уже публиковавшееся выступление Левады [3, с.485-491] на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, состоявшееся 24 ноября 1969 года. Это его возражения критикам его «Лекций» по социологии.

Отйду от строгих историко-социологических тем и коснусь литературно-социологического юмора, тоже части истории. В интервью В.А. Ядова, данном Л.Борусяк, он сказал, имея в виду один из семинаров на эстонском хуторе Кэярику: «Короче говоря, туда приезжал Губерман. Губерман в социологии ни черта не понимал, но он веселый человек, шутник, у него великолепный юмор. И Губерман сочинил там такие стихи, к сожалению, я помню только их конец: «И на растоптанных левадах пасутся жирные слоны» [9]. А в воспоминаниях Л. Н. Столовича отмечено, что во время начавшегося погрома нарождавшейся отечественной социологии Наум Коржавин писал: «И на растоптанных Левадах пасутся жирные ослы» [10]. В одном из недавних писем Столович отметил, что он сам слышал от Коржавина этот текст, но запомнил только данную строчку. В семейном архиве Левады этот стих, сохранился и включен в обсуждаемый сборник [2, с. 125]; он посвящен «тов. Ягодкину», тому самому секретарю парткома МГУ, который стоял за шельмованием книги Левады:

Социология на спаде:
Побиты волки и орлы.
И на растоптанной Леваде
Пасутся весело ослы.
И все вокруг для них красиво.
Чиста, свежа, сладка еда.
И я б уехал из России
Навек – но только вот куда?
А никуда! Хоть жизни гаже
Нигде я больше не нашел
Терплю. И кажется мне даже
Что я и сам теперь осел.

Н. Коржавин

22 января 1974 г.
(48 лет без Ленина)

Вторая группа авторов сборника – это вдова Левады, познакомившаяся с ним в 1947 году на первом курсе философского факультета МГУ и полвека бывшая его женой, и его сын от первого брака Русинов В.Ю. По моему мнению, сказанное ими непременно будет учитываться в попытках постижения глубин внутреннего мира Левады. Т.В. Левада вспоминает слова ее отца, сказанные после знакомства с ее будущим мужем: «Если решишь выйти за него, тебе скорее всего, придется туго. Ведь главное – не помешать ему. Не следует ему мешать ни при каких обстоятельствах» [2, с. 55]. И далее: «Со мной установились у него теплые отношения, чуть насмешливые с его стороны, похожие на те первоначальные, студенческие. Я же все 50 лет старалась не мешать ему и блюсти дом. Это была единственная, доступная мне форма поддержки мужа. Свою работу, круг своих сотрудников он отгородил от меня твердо, раз и навсегда» [2, с. 56]. Сложными были и отношения Левады с его сыном. В.Ю.Русинов описывает, с каким интересом он обсуждал с отцом, события происходившие в стране, говорит о его внимании к внукам. Вместе с тем, он вспоминает о долгих паузах в их регулярных воскресных телефонных разговорах и объясняет их отсутствием общения с отцом в детстве, т.е. отсутствием общей памяти. На вопросы сына о его работе, о делах Центра Левада всегда отвечал односложно, показывая, что это не тема для их обсуждения. И грустно завершается этот рассказ: «Я так и не спросил его о чем-то самом важном, так и не назвал при жизни отцом, теперь этого уже не сделать» [2, с. 227].

Третья группа – школьный друг и несколько человек, учившихся с Левадой на философском факультете МГУ. Все это ценная информация для понимания процесса формирования его личности, гражданской позиции, отношения к себе и окружающим. Жанр и цели этой заметки освобождают меня от углубленного анализа этого процесса, но некоторые факты из воспоминаний людей, наблюдавших Леваду в детстве-юности-ранней молодости считаю необходимым привести.

Левада родился и за исключением нескольких лет, проведенных в эвакуации в Тюмени, до поступления в МГУ жил в Виннице. Его дед, происходивший из семьи выкрестов, был медиком и фармацевтом, высоко образованным человеком, в молодости он состоял в боевом крыле «Народной воли». Известен как один из создателей Винницкого медицинского института в 1935 г. В 1936-37 гг. его заподозрили в шпионаже в пользу Японии, пришли арестовывать. Но дед был болен раком, и ему дали умереть дома. Похороны прошли тихо, негласно. Бабушка принадлежала к старому польско-литовскому графскому роду Сангелло. В те времена об этом лучше было помалкивать. В семье говорили по-русски, украински и польски.

Мать Левады была волевой, образованной женщиной, журналисткой. Отчимом, усыновившим Леваду, был Александр Степанович Левада, ставший известным украинским писателем. После войны он не вернулся в эту семью. Т.В. Левада вспоминает, как она столкнулась с «жесткой, даже чересчур жесткой Юриной бескомпромиссностью». Тогда они только пожени-

лись и без предупреждения приехал Александр Степанович. «Юра как сидел за работой спиной к вошедшему, так и не повернулся, не поздоровался. Тот вручил мне презент и поспешил проститься. Юра не шелохнулся. А ведь любил батьку. Искал в магазинах и покупал его сочинения. Переживал, когда тот оказался в зоне Чернобыльской аварии. Но не простил» [2, с. 56].

Родным отцом Левады был профессор ленинградского Педагогического института им. Покровского (а позже – Педагогического института имени А.И.Герцена) Моисей Александрович Коган, историк-медиевист, одно время – декан исторического факультета. По воспоминания И.С.Кона и А.Б.Гофмана, он был эрудированным человеком, знавшим много языков и пользовавшимся большим уважением студентов. Ю.А. Левада был очень похож на отца. С отцом Левада общался крайне редко, и не рассказывал о нем ни в семье, ни друзьям.

Все приведенное позволяет согласиться со словами Т.В.Левады: «эта генеалогия, а главное, отношение к ней ближайшего окружения, во многом объясняли Юрин характер, в том числе и жесткую его бескомпромиссность» [2, с. 58].

В школе Левада всегда был лучшим учеником, отличником и стал золотым медалистом. Рано вступил в комсомол, ездил с лекциями по деревням, хотя в районе оставались бандеровцы. С друзьями выпустил несколько номеров нелегальной стенной газеты «ИКС», ее запретили, но чудом не узнали, кто ее издавал.

На курсе, на котором с ним училось несколько ярких студентов, позже ставших известными учеными, Левада был «звездой»; он был самым младшим по возрасту, основная часть студентов прошла через войну, были членами партии. Еще до поступления в университет он многое прочел, и всегда прекрасно учился, его выступления на семинарах отличались аналитичностью и знанием предмета. Его сотрудничество с областной газетой началось еще в школьные годы, там работала его мать. В университете он был избран редактором курсовой газеты. Годы его студенчества — 1947-1952 — не лучшие для философии и личностного становления: страх, доноительство, подозрительность, аресты. Левада уже тогда отличался мужеством, разумностью, честностью по отношению к товарищам. Закономерно, что несколько позже друзья Левады и сотрудники Института конкретных социальных исследований АН СССР, да и не только, называли его между собою «Большая добрая Левада». Ему доверяли. Когда один из его друзей сообщил ему, что в школе выпускал нелегальную газету, Левада серьезно ответил ему, что об этом никому говорить не надо. Другой вспомнил, что ночью 1949 года его арестовали, а его жену – однокурсницу выставили из общежития с чемоданом и узлами. На телефонный звонок откликнулись лишь Левада и его друг: Они приехали, устроили девушку у однокурсницы. Во всю разгоралась борьба с «безродными космополитами». Обвинили в космополитизме и Леваду, у него в общежитии над кроватью обнаружили портреты двух евреев-философов: Маркса и Спинозы. Туча прошла мимо: первый был изъят из обвинения, а одного второго оказалось мало для наказания.

Но, безусловно, самая многочисленная группа участников сборника это социологи Москвы и Петербурга, в разное время работавшие с Левадой, посещавшие его семинар или просто общавшиеся с ним. Невозможно даже перечислить, назвать то множество сюжетов из жизни Левады, его поступков, высказываний, которые остались в памяти всех этих людей, самих много в жизни повидавших и размышлявших о прожитом. Приведу лишь ряд обобщенных, оценочных суждений о нем, на мой взгляд, дающих представление о Леваде как ученом, гражданине и личности. Поскольку часто такие высказывания многоаспектны, нет оснований для их строгой классификации.

Н.И.Лапин: «Юрий Александрович сам создал для себя этот гражданский, научный, нравственный пост «дежурного по России» аналитика и оставался на этом посту до последней минуты жизни. Он не был участником военных сражений и вообще был против войн, но он совершил поистине ратный

гражданский подвиг» [2, с. 86].

А.Б.Гофман: «Своим научным творчеством, своей организационной деятельностью, своей личностью, всей своей жизнью Левада доказал, что и в условиях тоталитарного и авторитарного обществ можно быть выдающимся ученым, честным, порядочным и свободным человеком» [2, с. 100-101].

Фирсов Б.М.: «Он относился к числу людей, твердо усвоивших на примерах идеологической войны, которую в 1950-е годы вела партия против космополитов и антипатриотов, «засевших» в различных сферах литературы, искусства, культуры, науки, что раскаяние мало кому помогает, не говоря уже о том, что «кающийся грешник» только ухудшает и дело, и собственное положение» [2, с. 265].

А. Г. Вишневский: «И все же истинный масштаб Левады определяется не тем, что он умел профессионально улавливать рокот народного океана, а тем, как много открывалось ему в этом рокоте...» [2, с. 126].

Б.З. Докторов: «В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера – действительно он таковым был. Прежде всего, это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения» [2, с. 275].

И.С.Кон: «Жизнь Юрия Левады - не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае – хлопнув дверью. У Юры такой опыт был» [2, с. 218].

В.Э. Шляпентох: «И его мужество опять оказалось важным для общества, когда ВЦИОМ у него отобрали и многие, до того как была создана новая фирма – «Левада-центр», стали опять опасаться за его будущее. Но, по-моему, самый яркий период в жизни Левады относится к тому ужасному времени, в котором он так мужественно выстоял» [2, с. 139].

А.Н. Алексеев: «Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю.А.Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам <...> вполне про себя знал, - его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях» [2, с. 87].

А.Н.Назимова, В.Л.Шейнис: «Он жил в своей стране и в свое время. Умный и все понимающий человек, он знал общество, в котором жил. Не поддавался иллюзиям, но и не приспособился к унижительным обстоятельствам жизни большинства наших академических учреждений. Писал и говорил то, что думал, и никогда не позволял себе утверждать то, во что не верил» [2, с. 151].

Д.Н. Шалин: «Левада – человек общественный – par excellence. Его частная жизнь – вне поля зрения. Что меня удивило в многочисленных сообщениях о смерти Левады, это отсутствие каких-либо сведений о его частной жизни» [2, с. 305].

Л.Д. Гудков: «После смерти Ю.А. Левада был почти единодушно признан «безусловным моральным авторитетом» и наиболее ярким или даже самым крупным ученым в российской социологии. Однако работы Левады, как и прежде, остаются мало известными» [2, с. 367].

Т.И.Заславская: «Обладая необыкновенным талантом, Юрий Александрович в труднейших условиях сумел сформировать собственную научную школу, и я рада, что работа во ВЦИОМ дала новый толчок ее развитию» [2, с. 211].

А.Г.Здравомыслов: «На наш взгляд, наиболее существенный вклад в разработку вопросов социологической теории представляют собой публикации Ю.А.Левады. Сейчас можно сказать, что его публикации в «Мониторинге» задают стандарт теоретического мышления российским социологам и, возможно, социологам всего постсоветского пространства (по крайней мере в рамках сайентистской артикуляции социологического знания)» [2, с. 439].

В.А.Ядов: «Я сам трудоголик и умею отдыхать лишь в пери-

од отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпрепровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: «Привет, старик, как дела?». Заметьте – не как себя чувствуешь, а как работается» [2, с. 230].

А.Г.Левинсон: «Он работал всегда. Он не переставал работать в периоды, когда на него давили. Он не переставал работать, когда судьба лишила его самых близких. Он не перестал работать в болезнях. Он не был трудоголиком, и не убегал в работу от жизни. Работа была условием жизни. И условием смерти. Все знают, что он встретил кончину за своим рабочим столом, и не один я думаю, что он сам продиктовал смерти эти условия» [2, с. 183].

Т.Шанин: «Без Юры стало в Москве холодно и хуже» [2, с. 212].

Составители сборника поступили по-человечески правильно и в научном плане обоснованно, включив в него небольшую статью украинского социолога Е.И. Головахи. Левада родился в Украине, знал и любил украинскую культуру и язык и после перестройки старался участвовать в научной и общественной жизни этой страны. По мнению Головахи, в сознании мыслящей части украинской интеллигенции Левада олицетворял все лучшее, что есть в российской общественной жизни, и для них его смерть стала не меньшей потерей, чем для россиян, сумевших сохранить свободомыслие и независимость от власти. И далее он отмечает: «... всем нам – и в России, и в Украине, – крайне необходимо понять удивительный феномен жизни и личности Юрия Левады, с именем которого связаны, возможно, две самые драматические и героические страницы в истории «застойной» советской и современной российской социологии; человеческие качества которого не могли не восхищать людей, способных ценить мужество, благородство и преданность науке, а способность быть лидером и организатором работы научной школы была по-своему уникальной» [2, с. 253].

Представляется, что все эти суждения не просто характеризуют с разных сторон Леваду, но одновременно формируют каркас, систему координат для будущего изучения его ценностной структуры и его научного наследия. Если же говорить о содержании всех текстов, включенных в сборник, то в совокупности они показывают всю его жизненную траекторию: с раннего детства до – буквально – последних минут жизни. Они позволяют заглянуть в его предбиографию (генеалогия, родительская семья), ознакомиться с биографией (школа, университет, исследовательская и общественно-политическая деятельность, собственная семья) и заглянуть в постбиографию. Другими словами, задуматься о судьбе его творческого наследия.

Мне приходилось писать ранее о такой редкой стороне научного творчества Левады, как биографичности, то есть о присутствии в его социолого-культурологических работах последних лет рефлексий по поводу увиденного и пережитого им. Тексты обсуждаемой книги, во всяком случае, для меня, усиливают этот вывод, ибо видно, как в Леваде формировались личностные и профессиональные качества и как продуманное укладывалось в его собственную, можно сказать – уникальную, картину мира. В произведениях прозаиков, тем более – поэтов и композиторов, биографичность считается нормой, социальным исследователям отказывают в ней, говоря, что биографичность противоречит объективности. Левада как методолог, социолог и культуролог, прошедший через все слои философии и понимавший природу научного творчества, осознавал, что та степень погруженности в события, которые он наблюдал, автоматически включает в проводимый им анализ прожитое и продуманное. Очевидно, он не писал об этом прямо в своих текстах, но и освободиться от этих впечатлений и размышлений он не мог. И не стремился. Они явно присутствуют в его многочисленных статьях и выступлениях постперестроечного времени. Следовательно, изучение научного наследия Левады позволит

лучше понять и его личность.

Можно согласиться с А.Г. Левинсоном: Левада сам продиктовал смерти время прихода; оказывается, с точностью до дня. Книга открывается беглым фломастерным рисунком, который оставил Ю.А. Левада на столе, уходя на работу в свой последний день жизни. Это – ангел. Таким увидела это изображение Тамара Васильевна при первом взгляде. Но когда ей позвонили с работы и сказали, что Юрия Александровича больше нет, она – так случилось – развернула лист и увидела этого ангела в ином ракурсе. Он плакал. Этот скорбящий ангел размещен на последней странице книги.

Поясню, почему настоящие заметки озаглавлены «Портрет для потомков». Один пласт аргументов сводится к тому, что рассматриваемый сборник содержит богатейшую фактологическую информацию о Леваде и о среде, в том числе – коммуникационной, в которой протекала его жизнь и деятельность. Таким образом, сегодня и в будущем, социальные исследователи могут познакомиться с человеком, внесшим значимый вклад в различные области социальной науки и много сделавшего для раскрытия сути социальной жизни России и сознания россиян в период перехода от тоталитарного общества к обществу, базирующемуся на более демократических принципах. Другой пласт объяснений акцентирует внимание читателей на вызовах частного и общего характера, произрастающих из содержания материалов сборника. Первые – акцентируют необходимость продолжения историко-биографических поисков, фокусированных именно на прочтении, раскрытии, раскодировании «феномена Левады». Вторые – указывают на важность рассмотрения творческой биографии Левады как представителя первого поколения советских/российских социологов. Эту когорту легко обозначить: имена практически всех их названы в сборнике, и значительная часть из них является соавторами книги. В целом, масштаб исследовательской деятельности Левады и его роль в обществе и в профессиональном сообществе дают возможность для будущих историков российской социологии широкое поле деятельности как собственно биографической направленности, так и в плане общих проблем социологии, включая вопросы соотношения науки и морали, общественного и личного.

Еще в 2007 году я опубликовал статью (с некоторыми сокращениями она вошла в рассматриваемый сборник), в которой для характеристики отношения Левады к своему делу и к себе, я обратился к рассказу-притче Хемингуэя о старике и море [11]. Приведу здесь этот фрагмент, не только потому, что и сейчас считаю обоснованной эту метафору, но и потому, что Тамара Васильевна, завершая рассказ о муже, пишет: «Сам Старик в эти годы преодолел почти 20-летнюю полосу отчуждения от своего дела» и «Но Старик оставался все тем же удивительным человеком» [2, с. 73]. Да и вообще в обывденном лексиконе Левады всегда сохранялось шестидесятилетнее «старик».

Одна из ключевых, стержневых тем произведения Хемингуэя передана в словах старика, обращенных к мальчику: «Твой не любит уходить слишком далеко от берега». Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями: море и человек – имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик – это он. Море – это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба – это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, культуролога, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбку, старик думает: «Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проник ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы

связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне». Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических и нравственных проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что «человек в море никогда не бывает одинок», так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и беспрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о «природе вещей», об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима.

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то рядом находится его большая рыба. Старик говорил себе: «Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов». Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому счастью, которое пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью.

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: «Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: “Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?” Он отвечает: “Нет”. Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен» [12]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за «рыбой» не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом

– со стаей акул, говорил себе: «Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру». Он не смог довести выловленную рыбку до берега, но высшая правда была на его стороне: «Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушел в море».

Литература

1. Цикл «Взрослые люди» <<http://www.polit.ru/story/vzr.html>>.
2. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
3. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Яромлюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
4. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
5. Соколов Э.В. В миру и наедине с собой <http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>.
6. Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Универс-группа». 2004.
7. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб: ЕУ в СПб. 2008.
8. Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2003.
9. Интервью с В. Ядовым <<http://www.polit.ru/analitics/2010/04/28/levada.html>>.
10. Столович Л. Н. Евреи шутят. Изд. 5-е. Тарту – СПб: 2009, С. 334.
11. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67-82.
12. Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006. <<http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>.